

РОССИЙСКИЕ МУСУЛЬМАНЕ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В УНИВЕРСИТЕТЕ АЛ-АЗХАР (В XIX — НАЧАЛЕ XX В.)

ИСЛЯМОВ

Ренат Вафович,

аспирант, Институт стран
Азии и Африки, Московский
государственный университет имени
М. В. Ломоносова
(125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая,
д. 11, стр. 1);
проректор по научной работе
Московского исламского института
(125009, Россия, г. Москва, пр. Кирова, д. 12).
E-mail: islam.dumrf@gmail.com

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка выяснить влияние ведущего мусульманского университета ал-Азхар на представителей российского ислама, формирование их образа мыслей, а также выявить его роль в социокультурных и общественно-политических процессах, в которые было вовлечено мусульманское сообщество России в середине XIX — начале XX в., связанных в первую очередь с реформой религиозного образования и возникновением интеллигенции.

Ключевые слова: Российские мусульмане, ислам, ал-Азхар, Мухаммад Абдо, конфессиональное образование, реформаторство.

УДК 94

DOI 10.22311/2074-1529-2018-14-1-151-170

Вопросы развития взаимоотношений представителей российского мусульманства с «исламским миром»¹ и, в частности, с мусульманами Египта уже давно вызывают неподдельный интерес у отечественных востоковедов и являются предметом тщательного и многостороннего изучения. Не оставались без внимания исследователей и учащиеся главного религиозного университета арабского Востока — ал-Азхар, которые, возвратившись на Родину, не только распространяли полученные знания, но и становились трансляторами подчас реформаторских идей, генерировавшихся в стенах этого учебного заведения.

Хотя тема российских мусульман в ал-Азхаре в исторической ретроспективе до сих пор не была предметом специального исследования в отечественной арабистике, отдельные сюжеты, в частности о деятельности университета

¹ Несмотря на неоднозначность выражения «исламский мир», или «мусульманский мир», ряд востоковедов все же говорят о наличии у мусульманских стран цивилизационного сходства, что позволяет рассматривать их как своего рода подсистему в системе международных отношений. См.: *Наумкин В. В.* Россия и исламский мир // *Ислам и мусульмане: культура и политика: статьи, очерки и доклады разных лет.* М.—Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. С. 554.

и его влиянии в подготовке интеллигенции, все же рассматривались в работах некоторых ученых. О нём писали такие известные представители российской арабистики, как В. В. Бартольд и И. Ю. Крачковский¹. К истории университета, школьного дела у арабов и характеристике органов печати обращались такие виднейшие российские востоковеды, как А. Е. Крымский и Б. В. Миллер².

В советской литературе изучению роли ал-Азхара отводилось особое место в связи с освещением периода зарождения буржуазной идеологии в Египте и роли духовенства в общественно-политической жизни страны в условиях идеологической и антиколониальной борьбы³.

По мере развития российско-египетских исторических связей рос интерес отечественных исследователей к обозначенной тематике. В этих работах большое внимание уделялось роли и месту ал-Азхара в социально-политической структуре Египта в целом⁴.

В данной статье предпринимается попытка выяснить влияние ведущего мусульманского университета ал-Азхар на представителей российского ислама, формирование их образа мыслей, а также выявить его роль в социокультурных и общественно-политических процессах, в которые было вовлечено мусульманское сообщество России в середине XIX — начале XX в., связанных в первую очередь с реформой религиозного образования.

Для российских мусульман получение религиозного образования всегда имело принципиальное значение. Это было связано с задачами не только формирования личности мусульманина как таковой, но и укрепления в сознании подрастающего поколения важности этноконфессиональной идентичности и сохранения традиций, что приобретало особую актуальность в условиях национальной и религиозной политики, проводимой царской Россией. Выдающийся богослов и историк — муфтий Центрального духовного управления мусульман Р. Фахретдин писал, что после падения Казанского ханства в 1552 г. часть мусульман бежала в Дагестан, Крым и даже в Османскую империю, где впоследствии получила религиозное образование. На рубеже XVII–XVIII вв.

¹ См., например: *Крачковский И. Ю.* Шейх Тантави, профессор С.-Петербургского университета (1810–1861). Избранные сочинения. Т. 5. М.–Л., 1958. С. 229–299.

² См. подробнее: *Крымский А. Е., Миллер Б. В.* Все мусульманский университет при мечети аль-Азхар в Каире, его современная наука, печать и журнальная деятельность: Труды Восточной комиссии Московского археолог. об-ва. Т. 2. Вып. 3. М., 1903. С. 169–199.

³ См.: *Малюковский М. В.* Начальный этап мусульманской реформации в Египте // Ученые записки ИВ АН СССР. Т. XVII. М., 1959; *Ацамба Ф. М.* Формирование рабочего класса в Египте и его экономическое положение. М., 1960; *Нестеров Ф. Ф.* Общественная мысль в Египте в период с конца XIX по тридцатые годы XX в. // Труды Университета дружбы народов им. П. Лумумбы. Т. XXXII. М., 1968; *Шарипова Р. М.* Современная историография ОАР о роли университета аль-Азхар в период буржуазной реформации ислама в Египте в конце XIX — начале XX в. // Религия и общественная мысль народов Востока. М., 1971; *Она же.* Роль руководства «Аль-Азхара» в современной модернизации ислама // Религия и общественная мысль стран Востока. М., 1974.

⁴ См.: *Кириллина С. А.* Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1989; *Москалец О. В.* Основные этапы формирования университета ал-Азхар (XIX — нач. XX в.) // Ислам в современном мире. 2017. № 3(13). С. 67–82.

эти люди, вернувшись на Родину, возглавили процесс возрождения мусульманского просветительства¹. Особую роль в восстановлении системы образования в медресе Р. Фахретдин отводит улемам из Дагестана и их ученикам из числа татар². Однако в силу ряда объективных причин, среди которых исследователи³ называют отсутствие торгово-экономических интересов татарской буржуазии на Кавказе, а также начавшуюся в 1817 г. длительную и изнурительную Кавказскую войну, дагестанская модель мусульманского образования оказалась невостребованной мусульманами Волго-Уральского региона.

В период правления Екатерины II начинают укрепляться торгово-экономические и дипломатические связи России со Среднеазиатскими государствами, что положило начало активному освоению Российской империей этого региона. Проводниками политики колониальной экспансии стали татарское духовенство и буржуазия, выступавшая также в роли торговых агентов⁴. Так, наряду с экономическим освоением этих земель татары стали обучаться в медресе Средней Азии, наиболее известными среди которых были учебные заведения Бухары. Знание ислама, языков и обычаев Средней Азии, получаемое в медресе, представлялось наиболее актуальным в то время. Однако необходимо отметить, что получение образования в медресе Бухары было доступным не для всех наших соотечественников. Финансовую нагрузку по обеспечению пребывания студентов в мусульманских центрах Средней Азии могли выдержать лишь представители богатых сословий из числа промышленников, торговцев и духовенства. О немногочисленности людей, вернувшихся после обучения в Бухаре, писал и выдающийся богослов и историк Ш. Марджани⁵. Несмотря на то, что медресе и имеющиеся при них комнаты для проживания в Бухаре подпадали под категорию вакуфного имущества (завещанного на благотворительные цели), студентам их все-таки сдавали за деньги. В своих воспоминаниях Ш. Марджани писал, что во время учебы в Бухаре он жил в комнате, которая обошлась ему в эквивалент российских 35 рублей, что по меркам середины XIX века было весьма немаленькой суммой⁶. Если

¹ См.: *Хабутдинов А. Ю.* Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX века. Казань, 2001. С. 70–74.

² *Фахретдин Р. Без — Шималь (Болгар) тореклэрэндэ гыйлем тэксил иту рэвешлэре // Болгар вэ Казан тореклэре.* Казан, 1993. Б. 238–239.

³ См., например: *Махмутова А. Х.* Возрождение и развитие системы образования татар-мусульман в Волго-Уральском регионе в конце XVIII — начале XX в. // *Научный Татарстан.* № 1. 2011. С. 179.; *Хабутдинов А. Ю.* Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX века. Казань, 2001. С. 73–74.

⁴ Подробно см.: *Косач Г. Г.* Город на стыке двух континентов: оренбургское татарское меньшинство и государство. М., 1998. С. 37.

⁵ *Марджани Ш.* Аль-кыйсме ас-сани мин китаби мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар (Часть вторая из книги «Собрание полезных сведений о делах Казани и Булгара»). Казан, 1900. Б. 296.

⁶ *Шихабутдин Марджани: сборник статей, посвященных 100-летию Ш. Марджани, изданный в Казани в 1915 г.* Казань, 2015. С. 41.

говорить о самой системе образования в этих медресе, то она носила схоластический характер, а основным методом обучения было заучивание не только Корана и хадисов, но также отдельных фраз, отрывков и даже целых книг¹. Однако именно бывшие ученики бухарских медресе возглавили большинство крупных медресе Волго-Уральского региона, особенно в первой половине XIX века.

Если на первых порах бухарские стандарты способствовали возрождению религиозного образования и исламских традиций среди татар, то в XIX–XX вв., в условиях социально-экономических и политических изменений, которые происходили в России и мире, национальная буржуазия все больше начинает осознавать необходимость поиска новых подходов к системе подготовки интеллигенции, обращаясь в основном к традициям европейской и российской педагогики. В вопросах получения религиозного образования российские мусульмане начинают ориентироваться не на среднеазиатские медресе, а на такие центры мусульманской учености, как Стамбул и Каир. Определенную роль в этом сыграла и критика образования в Бухаре теми, кто непосредственно обучался в здешних медресе. Ш. Марджани, проучившийся 11 лет (1838–1849) в среднеазиатских учебных заведениях и знавший эту систему изнутри, разъяснял тем, кто обращался к нему за советом: «Несмотря на то, что в Бухаре получают знания, читая всевозможные толкования и примечания, знания учеников Бухары очень скудны. В Стамбуле и Египте на знания обращают большее внимание, ученики там более образованны, поэтому и сына Бурханутдина я отправил в Стамбул»².

Стамбул, по мнению исследователя Д. Р. Гильмутдинова, был популярен у мусульман Волго-Уральского региона, «скорее, не из-за уровня предоставляемых компетенций, а в связи с культурной близостью»³. Последнее обстоятельство, вероятно, было решающим в выборе Турции не только для получения образования, но и для проживания теми, кто потерял веру в возможность нормальных взаимоотношений с Российским государством. Если в XVI–XVIII вв. большую часть мигрантов составляла национальная элита в лице феодалов и улемов, то миграция конца 1870-х гг. охватила преимущественно крестьянское население⁴. Не вдаваясь в подробности переселения мусульман в Османскую империю, отметим,

¹ См. подробно: *Джурбаев Д. Х.* Система мусульманского образования в Бухарском ханстве в конце XVIII — начале XIX в. (по материалам русских источников) // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия: Социальные науки. № 3(55). 2013. С. 209–216.

² Шихабутдин Марджани: сборник статей, посвященных 100-летию Ш. Марджани, изданный в Казани в 1915 г. Казань, 2015. С. 46.

³ *Гильмутдинов Д. Р.* Российские муллы в Османской империи (1685–1924), по данным татарских историко-биографических энциклопедий // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 158. Кн. 3. Казань, 2016. С. 726.

⁴ Хабутдинов А. Ю. *Хабутдинов А. Ю.* Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX века. С. 112.

что совокупность ряда причин, среди которых были частые российско-турецкие войны и конфликты, начавшаяся в 1831 г. Турецко-египетская война, а также стремление мусульман из России к изучению источников по исламу на арабском языке и получению прочных знаний, предопределила популярность Египта и, в частности, университета ал-Азхар как традиционного учебного заведения с многовековой историей.

Первые, пусть и поверхностные, сведения об ал-Азхаре мы получаем из дневниковых записей мусульманских паломников, посетивших исламские святыни еще в XIX в. и ранее¹. Будучи одним из транзитных пунктов на пути следования в Мекку и Медину, Египет с его многовековой традицией в сфере исламского образования пользовался популярностью у российских мусульман. Остановившись в Стране пирамид, они знакомились с известными шейхами и учеными, посещали их занятия, получали новые и закрепляли уже имеющиеся знания. Так, один из российских паломников — педагог и богослов из с. Петряксы (ныне Нижегородской обл.) Хамидулла Альмушев, — описывая в своих путевых заметках знакомство с Мухаммадом Абдо, отмечал его высокую образованность и компетентность: «Я встретился с муфтием Абдулом и даже побывал на его занятии по тафсиру «Джалалайн». Авторитетный учитель, который знает все тонкости своего предмета!»² Во второй половине XIX в. волна миграции из мусульманских регионов царской России привела к росту численности российских подданных в Египте. Вероятно, на это повлияло присоединение к России обширных территорий Кавказа и Средней Азии. Так, по данным самой полной и подробной всеобщей переписи населения Египта 1897 г., в стране насчитывалось 4225 выходцев из России. Численность российских мусульман достигала 332 чел³. При этом из 523 александрийских россиян 140 являлись хивинцами и 42 бухарцами. Остальные мусульмане — выходцы из районов Поволжья и Северного Кавказа⁴. Любопытно, что ранее, в отчете российского генконсула в Каире И. Лекса за 1880 г., говорилось: «...русских подданных и живущих в Египте под нашим покровительством: Черногорцев, Сербов, Болгар и уроженцев Средней Азии считают 250; чисто русских весьма мало, так что русско-подданные большей частью Греки, Армяне, Черкесы, Ташкентцы и Самаркандцы»⁵.

¹ «Рихлат аль-Марджани (Путешествие Марджани)» Шихабдина Марджани (1880 г.), «Хадж-наме» Хамидуллы Альмушева (1899–1890 гг.). Н. Новгород, 2006.

² Альмушев Х. Хадж-наме. Книга о хадже. Путевые заметки. Н. Новгород, 2006. С. 42.

³ Всеобщая перепись населения 1897 г. Ч. 1. Каир, 1931. Цит. по: Горячкин Г. В. Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте. М.: «Русский путь», 2012. С. 58.

⁴ Там же.

⁵ Горячкин Г. В. Египет глазами россиян середины XIX — начала XX в. Политика. Экономика. Культура: Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XV. Народы Ближнего Востока. Кн. 2. М., 1992. С. 125–126.; Он же. Русская Александрия: Судьбы эмиграции в Египте. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский путь, 2012. С. 307.

Развитие торговых и политических отношений, усиление грузопассажирского потока в Египет, общая благоприятная обстановка в Стране пирамид привели к образованию здесь российской колонии. Этому предшествовали два важных исторических события — долгожданное завершение строительства Суэцкого канала и его открытие в 1869 г., а также создание в 1856 г. Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ), которое взамен эпизодических торговых контактов наладило регулярное торговое сообщение между Россией и Египтом.

В Египте российские мусульмане не только знакомились с его учеными, но и становились свидетелями европейского влияния на эту страну и связанной с ним реформаторской деятельности ряда мусульманских правителей, в том числе в сфере просвещения и образования. Так, в 1799 г. на пути к святыням паломник из с. Кайбицы Свияжского уезда Казанской губернии (ныне — Кайбицкий район РТ) Ишан Валид ал-Кайбычи стал очевидцем французского завоевания Египта¹, которое сопровождалось акциями гуманитарного свойства — открытием в мамлюкском дворце в Каире библиотеки и научного центра, пропагандировавшего достижения европейской мысли, а также выпуском первой в мусульманском мире газеты «ат-Танбих»².

Известны случаи, когда мусульмане из Волго-Уральского региона были близки ко двору египетских правителей и при их участии и влиянии даже занимали посты преподавателей в университете ал-Азхар. По меньшей мере два татарских имама были лично знакомы с приёмным сыном Мухаммеда Али-паши (1769–1849), известным тогда полководцем и государственным деятелем — Ибрагимом-пашой (1789–1848). Речь идет об имаме и мударресе в с. Ташкичу (ныне село в Арском районе Республики Татарстан)³ Шамсуддине бин Абдуррашиде бин Усмани бин Абдулкадыре ал-Кышкари, создавшем, по мнению Ш. Марджани, лучшее медресе того времени. Следуя в Мекку для совершения хаджа, он познакомился с Ибрагимом-пашой, после чего остался в Каире, где был назначен преподавателем фарси в ал-Азхаре, при этом также занимался вопросами фикха. После его смерти в 1832 г. на эту должность был назначен в 1833 г. другой выходец с Волги — Мухаммедамин бин

¹ *Мэджани Ш.* Аль-кыйсме ас-сани мин китаби мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар (Часть вторая из книги «Собрание полезных сведений о делах Казани и Булгара»). Казан, 1900. Б. 221.

² *Lewis B.* The Muslim discovery of Europe. New-York; London, 1982. P. 295, 304.

³ Сложно сказать, о каком селе идет речь: таковое имелось как в Казанском уезде Казанской губернии, так и в Белебеевском уезде Уфимской губернии. Гильмутдинов Д. Р. в своей статье указывает на второй вариант. См.: *Гильмутдинов Д. Р.* Российские муллы в Османской империи (1685–1924), по данным татарских историко-биографических энциклопедий // Ученые записки Казанского университета. Серия: «Гуманитарные науки». Т. 158. Кн. 3. Казань, 2016. С. 726.

Сайфулла бин Абдулхамид бин Динмухаммад бин Шигаи (ранее — имам в деревне Наласа, ныне Арского района РТ). Проработав недолгое время, он скончался в Каире в том же году¹.

Кроме вышеуказанных, в трудах Ш. Марджани, Р. Фахретдина и М. Рамзи упоминаются биографии нескольких десятков лиц, преимущественно выходцев с Поволжья и из Приуралья, проходивших обучение в Каире. Эти сведения позволяют предположить, что процесс получения образования российскими мусульманами в Стране пирамид чаще всего носил фрагментарный и несистемный характер, что объясняется рядом факторов. Вплоть до начала XX в. посещение занятий в ал-Азхаре было свободным, а система обучения не предполагала деления на ступени и сдачу квалификационных экзаменов². Немаловажным является и то обстоятельство, что на пути следования паломников Каир был лишь одним из центров исламской культуры, где российские мусульмане совершенствовали свои знания. Их маршруты были индивидуальны и строились в зависимости от запросов и предпочтений самих хаджиев. Чаще всего в столицу вилайета приезжали в целях исправления и улучшения рецитации Корана, что позволяет говорить о высоком уровне египетской школы в части подготовки хафизов и в целом компетенций местных шейхов в области наук о Священном писании ислама. По возвращении в родные места после продолжительного отсутствия представители российского ислама становились имамами, занимались образованием и воспитанием подрастающего поколения. Правда, были и исключения, как, например, в случае с выходцем из города Тара Тобольской губернии (ныне Омская область) по имени Нияз бин Хайдар бин Ярымсаид бин Хайдар бин Гали (1772–1847) — он «был большим купцом, держал фабрику, завод, мастерскую, в знаменитых столицах Сибири его магазины работали четко, слаженно». В Каире он общался с учеными, с помощью которых, в частности, имел возможность исправить рецитацию Корана, получив даже соответствующее свидетельство³. Не став имамом, Нияз бин Гали занялся благотворительностью: оказывал помощь мечетям и медресе, оплачивал учебу способных учащихся.

Рассказывая о российских мусульманах в ал-Азхаре, следует подробно остановиться на тех изменениях, которые переживал в результате преобразований всемирный исламский университет в конце XIX — XX в. и которые привели в итоге к реформе «умов и сердец» мусульман не только Египта, но и других стран.

¹ *Мэджани Ш.* Аль-кыйсме ас-сани мин китаби мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар (Часть вторая из книги «Собрание полезных сведений о делах Казани и Булгара»). Казан, 1900. Б. 129–130, 238–239.; *Фахреддин Р.* Асар (Следы). Казан: Рухият, 2006. Т. 1. С. 137.

² *Мухаммед Абд ал-Муним Хафаджи.* Ал-Азхар фи ал ам (История ал-Азхара за 1000 лет). Ч. 3. Каир, 2009. С. 206.

³ *Фахреддин Р.* Асар (Следы). Казан: Рухият, 2009. Т. 2. Б. 33.

Во главе реформаторов стоял шейх Мухаммад Абдо (1849–1905). После окончания ал-Азхара в 1877 г. он читал лекции по теологии и этике, давал частные уроки и вел курсы в некоторых правительственных школах. М. Абдо проявлял большой интерес к социальным и гражданским проблемам своего времени. Премьер-министр Рийад-паша назначил его руководителем правительственной прессы, в том числе официальной газеты «ал-Вакаи ал-Мисрийя» («Египетские новости»).

Для Египта было чем-то новым видеть шейха ал-Азхара ратующим за реформы в образовании, суде и других областях. В 1879 г., когда другой реформатор — Джамал ад-дин Афгани — был изгнан из страны, он сказал: «Я оставляю вам Мухаммада Абдо. Его мудрости будет достаточно для Египта»¹. Однако в 1882 г. за участие в восстании ал-Ораби-паша Мухаммад Абдо был на время выслан из Египта. После примирения с английскими властями в 1888 г. М. Абдо вернулся в Египет и был назначен судьей сначала в провинции, затем в Каире. Вскоре после этого он стал также членом Национального Законодательного Совета, а потом и главным муфтием Египта. М. Абдо выступал за усвоение достижений западной цивилизации, за распространение просвещения и технических знаний в мусульманских странах. Важное место в своей деятельности он отводил ал-Азхару, реформирование которого, по его замыслу, должно было привести к изменениям в сознании мусульман в масштабах всего мира: «Реформировать его — значит реформировать весь мусульманский мир», — заявлял муфтий².

М. Абдо был не первым, кто начал движение за реформы в ал-Азхаре. Некоторые шаги были сделаны до него³. Первый закон, который был издан в 1872 г., утвердил программу преподаваемых предметов и порядок проведения экзаменов. По этому закону для получения звания алима необходимо было сдавать экзамены специальной комиссии из шести улемов, назначенных ректором. В нем также шла речь о необходимости выпускать грамоту от имени правительства о том, что студент успешно завершил учебу в ал-Азхаре. Закон от 24 марта 1885 г. утвердил с незначительными отклонениями экзаменационную систему, принятую в 1872 г.

В 1888 г. либерально настроенные шейхи ал-Азхара пожелали включить в программу современные науки — арифметику, геометрию и географию. После совета с муфтием и другими авторитетами ректор объявил, что будет справедливым преподавать математические науки — арифметику и геометрию, так как они не противоречат истинному исламу. Однако новым предметам отводилась второстепенная роль по сравнению с традиционными, а их преподавание если и допускалось, то велось по старым

¹ Bayard Dodge Ale-Azhar. A millennium of muslim learning. Washington, 1961. P. 130.

² Нестеров Ф. Ф. Общественная мысль в Египте в период с конца XIX по тридцатые годы XX в. // Труды Университета дружбы народов им. П. Лумумбы. Т. XXXII. М., 1968. С. 74.

³ Абд ал-Муним Хафаджи. Ал-Азхар фи ал ам. Ал-Кахира, 1954. С. 4–5.

учебным пособиям. Астрономию изучали по книге, написанной ал-Джабарты в XVIII веке, тексты по математике были составлены ибн Хейсамом (ум. в 1039 г.). Подобные учебники использовались и по другим предметам. Вместе с тем существовали определенные ограничения. Так, историческая философия «ал-Мукаддима», написанная ибн Халдуном в XIV в., была запрещена, хотя Мухаммад Абдо настаивал на ее изучении. Муфтий считал ал-Азхар самым благоприятным местом для научного и религиозного возрождения, и в реформах, начатых здесь, видел средство для повышения роли Египта на всем Востоке. Но такое возрождение, по его мнению, могло случиться только при настоящей науке и вере¹.

В этот период в стенах ал-Азхара происходила борьба между единомышленниками М. Абдо и сторонниками консервативных шейхов. Муфтий стремился воспитать поколение, не связанное средневековыми традициями и стремящееся к свободному мышлению. Для этого он в первую очередь хотел изменить систему преподавания в университете: 1) ввести в программу на правах основных и постоянных новые предметы, включая арифметику, алгебру, геометрию, географию и др.; 2) установить график регулярных занятий вместо случайных индивидуальных лекций учителей; 3) ввести ежегодные экзамены на всех курсах; 4) обязать студентов изучать труды знаменитых мусульманских ученых в подлинниках, а не по объяснениям плохо подготовленных учителей; 5) централизовать библиотеку; 6) соблюдать санитарные условия в мечети². По замыслу реформаторов, предполагалось также создать факультеты, на которых студенты могли бы получать определенную специализацию, например кадиев шариатских судов, мусульманских миссионеров, имамов, проповедников и иных служителей культа в мечетях. Реформаторы стремились приспособить религиозную школу Египта к требованиям повседневной жизни, чтобы выпускники школы могли применить свои знания на практике. Уже первые мероприятия реформаторов встретили сопротивление со стороны ортодоксального духовенства ал-Азхара. Ректор университета Мухаммед ал-Анбаби отверг предложение М. Абдо ввести в учебный процесс новые дисциплины. В изданной им фетве по вопросу преподавания философских и математических наук он доказывал, что вполне достаточным является воспитывать традиционными методами и в прежнем объеме, чтобы студенты после учебы работали там, куда их определяют³.

Нужно сказать, что при хедиве Тауфике М. Абдо и его сторонникам так и не удалось изменить что-либо в университете ал-Азхар, поскольку с 1882 г. и до своей смерти Тауфик оставался номинальным правителем

¹ Абд ал-Муним Хафаджи. Ал-Азхар фи ал ам. Ал-Кахира, 1954. С. 125.

² Абд ал-Муталь ас-Саиди. Тарих ал-ислах фи ал-Азхар (История реформы в ал-Азхаре). Каир, 1951. С. 37.

³ Там же.

страны, в то время как реальная власть перешла к англичанам. Однако ситуация изменилась в 1892 г., когда на престол вззошел его сын Аббас II Хильми. Стремясь объединить вокруг себя влиятельных людей Египта, чтобы противостоять фактическому господству англичан, среди прочих он приблизил к себе и М. Абдо. В это время ректором ал-Азхара стал шейх Хасуна ан-Навави, который был известен своими либеральными взглядами. При нем был принят закон от 3 января 1895 г. о создании в университете Административного совета, членами которого стали шейхи, представлявшие 4 мазхаба, и два государственных деятеля — Мухаммад Абдо и Абд ал-Керим Салман. Административный совет во главе с М. Абдо приступил к проведению реформ в ал-Азхаре. Прежде всего он обратил внимание на оплату труда преподавателей. Закон от 29 июня 1895 г. ввел новую систему окладов, размер которых теперь зависел от звания преподавателя и от читаемого курса. Этот закон также коснулся и студентов: за хорошую успеваемость они стали получать денежное вознаграждение. Кроме того, были улучшены бытовые условия студентов и преподавателей, увеличены хлебные рационы и денежные пособия студентам, повышены оклады чиновникам и обслуживающему персоналу. Был произведен ремонт учебных корпусов, общежитий студентов и квартир преподавателей, построены новые корпуса. Библиотека университета также была приведена в порядок: собраны и систематизированы книги, установлены правила пользования библиотекой.

Вскоре учащиеся, в том числе мусульмане из Российской империи, стали свидетелями реформирования системы и методики преподавания в университете. 1 июля 1896 г. был издан закон, по которому в программу университета были включены новые предметы: математика, география, гражданская история ислама, лингвистика и литература. До этого главными дисциплинами были основы исламского права, мусульманская юриспруденция, богословие, хадисы, толкование Корана, грамматика, синтаксис, логика и риторика. Все предметы теперь были разделены на две категории. К первой относились философские и правовые дисциплины, которые включали теологию, религиозную этику, юриспруденцию, комментарии и предания. Вторую категорию составляли предметы, включающие два раздела грамматики (нахв и сарф), три раздела риторики, логику, арифметику, алгебру. Вместе с тем студентам давали возможность изучать и другие дисциплины — композицию, ораторское искусство, язык, литературу и элементарную геометрию¹. Новые предметы читали приглашенные преподаватели из Дар ал-Улум, высшей образовательной светской школы, которая была основана в 1872 г. по указу хедива Исмаила-паши. Помимо этого, были

¹ Абд ал-Муталь ас-Сауди. Тарих ал-ислах фи ал-Азхар (История реформы в ал-Азхаре). Каир, 1951. С. 133, 141.

усовершенствованы условия приема в ал-Азхар: возраст поступающего должен был быть не менее 15 лет, он должен был знать наизусть некоторую часть Корана, уметь читать и писать¹. По новому закону ректор признавался главой Административного совета и руководителем ал-Азхара с относящимися к нему школами.

В результате реформ преподавание в ал-Азхаре стало проводиться по строгой программе и единой методике. Все преподаватели были обязаны прослушать специальный курс по новой методике чтения лекций ведущего исламского вуза. Выпускники университета, претендовавшие на должности преподавателей в государственных школах и специальных учебных заведениях, подвергались специальным конкурсным экзаменам.

Таким образом, Мухаммад Абдо и Абд ал-Керим Салман использовали свое положение в Административном совете для осуществления задуманных реформ. Несмотря на свою занятость на государственной службе, М. Абдо находил время читать лекции в ал-Азхаре. Он вел курсы по богословию, толкованию Корана, шариата и хадисов.

Несомненно, такие масштабные реформы требовали не только больших усилий их идеологов, но и поддержки со стороны правительства. Оказывая некоторое время содействие курсу реформаторов, Аббас II, тем не менее, изменил к ним отношение, когда те призвали обратить на цели преобразований доходы вакфов, которые, заметим, оставались единственной доходной статьей, неподконтрольной оккупационным властям. Тогда хедив вывел М. Абдо и А. Салмана из Административного совета, чтобы их места заняли шейхи из лагеря консерваторов. Началась чехарда в управлении университетом: на должности ректора сменились сразу два человека. В результате Аббас II остановился на кандидатуре консерватора Абд ар-Рахмана аш-Ширбини, с приходом которого все реформы М. Абдо и его сторонников были свернуты и восстановлены прежние порядки и традиции.

Борьба между двумя силами не оказала большого влияния на притягательность ал-Азхара как учебного заведения. Сюда по-прежнему стремились молодые люди из отдаленных концов исламского мира, о чем, в частности, свидетельствует российская статистика. Разумеется, ее показатели улучшали и интересные политические события, происходившие в Долине Нила.

Возвращаясь к разговору о российских мусульманах в ал-Азхаре, перечислим наиболее известных из них, обучавшихся в Египте в конце XIX — начале XX в. Это известные богословы, историки, философы, общественные и политические деятели.

На рубеже веков в ал-Азхаре проходил обучение российский богослов, общественный деятель, один из лидеров татарского национального

¹ Bayard Dodge. A millennium of muslim learning. Washington, 1961. P. 136.

движения Муса Джарулла Бигиев (1875–1949). Нужно сказать, что в Каире М. Бигиев испытал разочарование сродни тому, что он почувствовал в Бухаре и Стамбуле. Виной тому, скорее всего, атмосфера, царившая в религиозных образовательных учреждениях Каира, а также несостоявшаяся реформа ал-Азхара. Потеряв надежду на получение системного образования в университете, он решает заниматься самостоятельно и начинает брать частные уроки у различных преподавателей, в том числе посещает теологические семинары М. Абдо. Параллельно с учебой М. Бигиев активно работает в Египетской национальной библиотеке, где он занимается серьезным исследованием хранящихся там Священных свитков и истории Корана¹. Из Египта М. Бигиев отправляется в хадж, после чего проводит некоторое время в Мекке и Медине, посещая различные религиозные занятия и уроки. Следующим после Хиджаза пунктом его путешествия стала Индия, где на протяжении шести месяцев он обучался в исламском университете города Девабанда. Неудовлетворенный пребыванием в Индии, он вернулся в Каир, где продолжил исследования по истории Корана и корановедению. Прежде чем вернуться на родину, он посетил также Бейрут и Сирию. По возвращении в Россию в 1905 г. М. Бигиев публикует результат своих многолетних научных изысканий — труд «История Корана и его списков» («Тарих ал-Кур’ан ва-л-Масахиф»)².

В 1899–1903 гг. в ал-Азхаре обучался будущий муфтий Центрального духовного управления мусульман (с 1936 по 1950 гг.) Габдрахман Расули (1881–1950), сын известного ишана и шейха суфийского ордена накшбандийа Зайнуллы Расули. После возвращения из Каира в г. Троицк в 1903 г. он начал преподавать в медресе своего отца «Расулия» арабский язык и новый тогда предмет — историю ислама. Когда З. Расулев полностью отдал руководство медресе сыну, тот окончательно перестроил образовательную программу на джадидистский лад, значительно расширив преподавание светских дисциплин, включая историю, географию, физику, химию, зоологию и другие научные дисциплины. В годы Великой Отечественной войны он председательствовал на собрании улемов ЦДУМ, где была объявлена священная война германскому фашизму. Муфтий тогда лично пожертвовал 50 000 рублей на строительство танковой колонны³.

¹ См.: *Бигиев М. Дж.* Избранные труды: В 2 т. Т. 1 / пер. с осман. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 18–19; *Мехмет Гёрмес.* Муса Джаруллах Бигиев / пер. с тур. яз. А. Г. Хайрутдинова. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.islamrf.org/musabigiev4> (дата обращения: 07.02.2018).

² Позже эти этюды выходят также в Египте в общественно-политическом и религиозном журнале «ал-Манар» в 1907 г. — Тарих аль-масахиф // Ал-Манар. Каир, 1907. С. 187–191. Данная работа была переиздана в ИД «Медина» в 2016 г. в рамках серии «Российское мусульманское богословское наследие»: *Бигиев Муса.* История Корана и его сводов. М.: ИД «Медина», 2016. 88 с.

³ *Хабутдинов А. Ю.* Российские муфтии. От екатерининских орлов до ядерной эпохи (1788–1950). Н. Новгород, 2006. С. 55–57.

Основатель и директор уфимского медресе «Галия» Зыяэтдин Камали (1873–1942) обучался в университете ал-Азхар на философском факультете в период до 1904 г. На формирование его взглядов, в частности в вопросах реформаторства, разработки исламской философии, а также педагогической деятельности, большое влияние оказал М. Абдо. Заметив прилежность своего ученика и его стремление к знаниям, известный реформатор даже предлагал З. Камали остаться в университете для преподавания¹.

В известном исламском университете с 1904 по 1906 г. проходил обучение татарский журналист и историк Габдулбари Баттал (1880/82–1969). Во время своего пребывания в Стране пирамид он начал сотрудничать с редакциями изданий «ал-Манар», «ал-Муайид», «ал-Мукатим», затем работал постоянным сотрудником газеты «ал-Джарида». Будучи активным джадидом, ввел в учебный план медресе г. Троицка Мухаммадия ряд светских предметов².

Вероятно, кто-то может подумать о прошедшем обучении в ал-Азхаре исключительно как о носителях традиционных для того времени консервативных взглядов на жизнь и религию. Однако при подробном знакомстве с биографиями некоторых из них обнаруживаются порой удивительные вещи. Примером тому — нерядовая судьба журналиста и литератора Камиля Мотыги (Тухватуллина) (1883–1941), который обучался в Египте в 1900–1902 гг. Сын имама и сам имам и мударрис в Уральске (ныне Казахстан), впоследствии он работал в редакциях многих татарских общественно-политических газет, но славу себе снискал как талантливый певец, что вызывало порой противоречивую реакцию в татарской среде. Однако это нисколько не мешало ему выступать с концертами в 1909–1917 гг. и 1925–1929 гг., а часть средств, вырученных в 1914–1917 гг., направить в пользу раненых на фронтах Первой мировой войны³. Кстати, за примерами одобрительного отношения исламских богословов к слушанию и пению К. Мотыги его сторонники среди общественных деятелей и ученых часто обращались к египетскому журналу «ал-Манар»⁴.

Как уже отмечалось, не каждый мог позволить себе обучение за рубежом, поскольку это было довольно затратное мероприятие. Большой вклад в реализацию задачи подготовки татаро-башкирской национальной элиты внесли мусульманские благотворительные общества. Так, за счет стипендии, учрежденной по духовному завещанию основателя и попечителя медресе «Хусаиния» А. Г. Хусаинова в Оренбурге,

¹ Камали З. Философия ислама. Т. 1. Казань: Татарское кн. изд-во, 2010. С. 12.

² Ислам на Урале: энциклопедический словарь. М.: Издательский дом «Медина», 2009. С. 49–50.

³ См. Тухватуллин Х. К. Камиль Мотыги Тухватуллин. Жизнь и деятельность: Рукопись / Х. К. Тухватуллин — 1962 // Архив Национального музея РТ. Фонд К. Мотыги, 115.

⁴ См. Ислам и музыка. Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. С. 23.

в разные годы в ал-Азхар были направлены З. Н. Аюханов, В. Б. Батталов, С. Н. Бикбулатов, Ш. В. Вахидов, Л. Заидов, С. Насыров-Нугманов, Г. Г. Рафиков, А. Сайфутдинов, Г. М. Файрушин¹.

Известный татарский просветитель, ученый и педагог Сунгатулла Бикбулатов (1886–1954) обучался в Каире в период между 1906 и 1910 г. Он не ограничивал себя занятиями в ал-Азхаре, а расширял свои познания и в светских учебных заведениях. Как писал об этом сам татарский просветитель: «В Каире, кроме посещения лекции по арабскому языку и литературе в Эль-Азхаре (старинном Каирском университете), я посещал лекции в Каирском педагогическом институте. А также во вновь открытом (по европейскому образцу) Каирском университете, но вольным слушателем, так как иностранцев тогда не принимали в египетские учебные заведения»². В дореволюционный период С. Бикбулатов издал 16 трудов, среди которых — учебники по истории ислама и арабскому языку на татарском языке. В 1944 г. С. Бикбулатов сыграл большую роль в восстановлении преподавания арабского языка в Казанском государственном университете на вновь созданном отделении татарского языка и литературы³. В 1910–1914 гг. в Каире учился другой стипендиат — Закир Аюханов (1889–1961). В историю он вошел как языковед и прекрасный педагог-методист. Из-под его пера вышло 17 учебников и учебно-методических пособий, а составленный им букварь «Алифба» в 1929–1968 гг. выдержал 25 изданий и был основным учебным пособием в школах Башкортостана. Наряду с педагогической деятельностью он также активно занимался религиозными вопросами, в частности по таким актуальным в условиях социально-экономических преобразований темам, как ростовщичество и закят, что в свою очередь вызвало полемику на страницах журнала «Шура» с его коллегой по альма-матер М. Бигиевым⁴.

Таким образом, ал-Азхар сыграл если не ключевую, то одну из основных ролей в формировании мировоззрения его учащихся из числа российских мусульман. Как высказывался в 1910 г. известный этнограф Л. Штернберг об обучении представителей российского мусульманства в Каире: «Здесь... как в Индии, английская свобода породила в мусульманстве идеи, которым, может быть, суждено изменить всю психику мусульманского мира»⁵. После обучения они возвращались в родные

¹ Денисов Д. Н. Роль оренбургского медресе «Хусаиния» в развитии мусульманского образования // Ученые записки Казанского государственного университета. Казань, 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 2. С. 70.

² Марданишин М. М. Педагогическая деятельность С. Бикбулатова // Казанский педагогический журнал. 2008. Вып. 9. С. 116.

³ Там же. С. 115.

⁴ См.: Яикбаев К. Я. Аюханов Закир Насырович // Башкирская энциклопедия. Т. 1. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2005. С. 265; Яйыкбаев К. Я. Мәгрифәтсе мөгәллимдәр, күренекле укы-тыгусылар һәм мәгариф эшмә-кәرزәре: Тарихи-педагогик очерктар һәм һүрәтләмәләр. 1-се кит. Өфө: Китап, 2003. Б. 48–50.

⁵ Цит. по: Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX века. Казань, 2001. С. 181.

места, как правило, убеждёнными сторонниками исламских культурных ценностей. Именно из них складывалась интеллектуальная элита мусульманского общества — будущие религиозные и общественно-политические деятели, писатели, поэты, учёные и просветители.

Литература

Абд аль-Муним Хафаджи. Ал-Азхар фи аль ам. ал-Кахира, 2009. Ч. 3. 383 с.

Абд аль-Муталь ас-Сауди. Тарих аль-ислах фи аль-Азхар (История реформы в аль-Азхаре). Каир, 1951. 232 с.

Альмушев Х. Хадж-наме. Книга о хадже. Путевые заметки. Н. Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2006. 112 с.

Ацамба Ф. М. Формирование рабочего класса в Египте и его экономическое положение (1914–1952 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 183 с.

Бигиев М. Дж. Избранные труды: В 2 т. Т. 1 / пер. с осман. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 336 с.

Бигиев Муса. История Корана и его сводов. М.: ИД «Медина», 2016. 88 с.

Гильмутдинов Д. Р. Российские муллы в Османской империи (1685–1924), по данным татарских историко-биографических энциклопедий // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 158. Кн. 3. 2016. С. 717–732.

Горячкин Г. В. Египет глазами россиян середины XIX — начала XX в. Политика. Экономика. Культура // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XV. Народы Ближнего Востока. Кн. 2. М., 1992. 331 с.

Горячкин Г. В. Русская Александрия: Судьбы эмиграции в Египте. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский путь, 2012. 336 с.

Денисов Д. Н. Роль оренбургского медресе «Хусаиния» в развитии мусульманского образования // Ученые записки Казанского государственного университета. Казань, 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 2. С. 68–78.

Джурабаев Д. Х. Система мусульманского образования в Бухарском ханстве в конце XVIII — начале XIX в. (по материалам русских источников) // Вестник таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия: «Общественные науки». № 3(55). 2013. С. 209–216.

Ислам и музыка / сост., пер., вступ. ст. Г. Сайфуллиной. Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. 383 с.

Ислам на Урале: энциклопедический словарь. М.: Издательский дом «Медина», 2009. 476 с.

Камали З. Философия ислама. Т. 1. Казань: Татарское кн. изд-во, 2010. 319 с.

Кириллина С. А. Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1989. 203 с.

Косач Г. Г. Город на стыке двух континентов: оренбургское татарское меньшинство и государство. М.: ИСАА МГУ, 1998. 148 с.

Крачковский И. Ю. Шейх Тантави, профессор С.-Петербургского университета (1810–1861): Избранные сочинения. Т. 5. М.—Л., 1958. С. 229–299.

Крымский А. Е., Миллер Б. В. Всеумусульманский университет при мечети ал-Азхар в Каире, его современная наука, печать и журнальная деятельность // Труды Восточной комиссии Московского археолог. об-ва. Т. 2. Вып. 3. М., 1903. С. 169–199

Малюковский М. В. Начальный этап мусульманской реформации в Египте // Ученые записки ИВ АН СССР. Т. XVII. М., 1959. С. 110–149.

Марданишин М. М. Педагогическая деятельность С. Бикбулатова // Казанский педагогический журнал. 2008. Вып. 9. С. 115–119.

Махмутова А. Х. Возрождение и развитие системы образования татар-мусульман в Волго-Уральском регионе в конце XVIII — начале XX в. // Научный Татарстан. 2011. № 1. С. 173–194.

Москалец О. В. Основные этапы реформирования университета ал-Азхар (XIX–нач. XX в.) // Ислам в современном мире. 2017. № 3(13). С. 67–82.

Мэржани Ш. Аль-кыйсме ас-сани мин китаби мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар (Часть вторая из книги «Собрание полезных сведений о делах Казани и Булгара»). Казань, 1900. 368 б.

Наумкин В. В. Ислам и мусульмане: культура и политика. Статьи, очерки и доклады разных лет. М.—Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. 768 с.

Нестеров Ф. Ф. Общественная мысль в Египте в период с конца XIX по тридцатые годы XX в. // Труды Университета дружбы народов им. П. Лумумбы. Т. XXXII. М., 1968. С. 63–93.

Тухватуллин Х. К. Камиль Мотыги Тухватуллин. Жизнь и деятельность: рукопись / Х. К. Тухватуллин — 1962 // Архив Национального музея РТ. Фонд К. Мотыги, 115. Х. К.

Фәхреддин Р. Асар (Следы). Казан: Рухият, 2006. Т. 1. 360 б.

Фәхреддин Р. Асар (Следы). Казан: Рухият, 2009. Т. 2. 304 б.

Фәхретдин Р. Без — Шималь (Болгар) тореклэрэндэ гыйлем тэхсил иту рэвешлэре // Болгар вэ Казан тореклэре. Казань, 1993. 287 с.

Хабутдинов А. Ю. Российские муфтии. От екатерининских орлов до ядерной эпохи (1788–1950). Н. Новгород, 2006. 60 с.

Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX века. Казань: Идел-Пресс, 2001. 383 с.

Шарипова Р. М. Роль руководства «Аль-Азхара» в современной модернизации ислама // Религия и общественная мысль стран Востока: сборник. М.: Наука, 1974. С. 159–182.

Шарипова Р. М. Современная историография ОАР о роли университета аль-Азхар в период буржуазной реформации ислама в Египте

в конце XIX — начале XX в. // Религия и общественная мысль народов Востока: сборник. М.: Наука, 1971. С. 241–252.

Шихабутдин Марджани. Сборник статей, посвященных 100-летию Ш. Марджани, изданный в Казани в 1915 г. Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. 494 с.

Яикбаев К. Я. Аюханов Закир Насырович // Башкирская энциклопедия. Т. 1. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2005. С. 265;

Яйыкбаев К. Я. Мәгрифәтсе мөгәллимдәр, күренекле укытыусылар һәм мәгариф эшмәкәрзәре: Тарихи-педагогик очерктар һәм һурәтләм-эләр. 1-се кит. Өфө: Китап, 2003. 254 с.

Dodge, Bayard. *Ale-Azhar. A millennium of muslim learning*. Washington, 1961. 239 p.

Lewis B. *The Muslim discovery of Europe*. New-York; London, 1982. 350 p.

References

Abd al-Mun‘im al-Khafājī (2009). *Al-Azhar fi alf ‘am* [The Thousand Years of al-Azhar]. Cairo. Part 3. 383 p.

Abd al-Muta‘al al-Sa‘idi (1951). *Ta’rih al-islam fi al-Azhar* [The History of Reform in al-Azhar]. Cairo,.

Almushev H. (2006). *Hadzh-name. Kniga o hadzhe. Putevye zametki* [Hajname. The book of Hajj. Travel notes]. Nizhniy Novgorod: Makhinur. 112 p.

Azamba F. M. (1960). *Formirovanie rabochego klassa v Egipte i ego ehkonomicheskoe polozhenie (1914–1952 gg.)* [Formation of the Working Class in Egypt and its Economic Situation (1914–1952)]. Moscow: Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta. 183 p.

Bigiev M. Dzh. (2005). *Izbrannye trudy* [Selected Works]. In 2 volumes. Vol. 1. Translated from Osman. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo. 336 p.

Bigiev M. (2016). *Istoriya Korana i ego svodov* [The history of the Qur’an and its Vaults]. Moscow: ID Medina. 88 p.

Gilmudinov D. R. (2016). *Rossijskie mully v Osmanskoj imperii (1685–1924), po dannym tatarskih istoriko-biograficheskikh ehnciklopedij* [The Russian Mullahs in the Ottoman Empire (1685–1924), According to the Tatar Historical and Biographical Encyclopedias]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 158. Book 3. 2016. P. 717–732.

Goryachkin V. G. (1992). *Egipet glazami rossiyan serediny XIX — nachala XX v. Politika. Ehkonomika. Kul’tura* [Egypt of the Middle XIX — early XX century in the Russian Point of View]. *Materialy k serii «Narody i kul’tury»*. Vyp. XV. *Narody Blizhnego Vostoka*. Vol. 2. Moscow. 331 p.

Goryachkin V. G. (2012). *Russkaya Aleksandriya: Sud’by eh migracii v Egipte* [Russian Alexandria: the Fate of the Exile in Egypt]. 2nd revised edition. Moscow: Russkiy put’. 336 p.

Denisov D. N. (2010). Rol' orenburgskogo medrese «Husainiya» v razvitií musul'manskogo obrazovaniya [The Role of the Orenburg Madrasah 'Husainiya' in the Development of Muslim Education]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. Kazan, 2010. Vol. 152, Book 3. Part 2. P. 68–78.

Juraboev J. H. (2013). Sistema musul'manskogo obrazovaniya v Buharskom hanstve v konce XVIII — nachale XIX v. (po materialam russkih istochnikov) [System of Muslim Education in the Bukharan Khanate in the Late XVIII — Early XIX Centuries (on materials of Russian sources)]. *Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya: obshchestvennye nauki*. No. 3 (55). 2013. P. 209–216.

Islam i muzyka (2015). [Islam and Music]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 383 p.

Islam na Urale: ehnciklopedicheskij slovar' (2009). [Islam in Ural Region: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Medina". P. 49–50.

Kamali Z. (2010). *Filosofiya islama* [The Philosophy of Islam]. Vol. 1. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 319 p.

Kirillina S. A. (1989). *Islam v obshchestvennoj zhizni Egipta (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Islam in the Public Life of Egypt (the Second Half of the XIX — Early XX Century)]. Moscow. 203 p.

Kosach G. G. (1998). *Gorod na styke dvuh kontinentov: orenburgskoe tatarskoe men'shinstvo i gosudarstvo* [City at the Junction of Two Continents: Orenburg Tatar Minority and the State]. Moscow, 1998. 148 p.

Krachkovsky I. Y. (1958). Shejh Tantavi, professor S-Peterburgskogo universiteta (1810–1861) [Sheikh al-Tantawi, Professor of St. Petersburg University (1810–1861)]. *Izbranniye sochineniya*. Vol. 5. Moscow-Leningrad, 1958. P. 229–299.

Krimskiy A. E., Miller B. V. (1903). Vsemusul'manskij universitet pri mecheti al-Azkhar v Kaire, ego sovremennaya nauka, pechat' i zhurnal'naya deyatel'nost' [Muslim University of al-Azhar Mosque in Cairo: Modern Science and Publishing of Books and Magazines]. *Trudy Vostochnoj komissii Moskovskogo arheolog. ob-va*. Vol. 2. Part. 3. Moscow, 1903, P. 169–199.

Malkowski M. V. (1959). Nachal'nyj ehtap musul'manskoj reformacii v Egipte [The Initial Phase of the Islamic Reformation in Egypt]. *Uchenye zapiski IV AN SSSR*. Vol. XVII. Moscow. P. 110–149.

Mardanshin M. M. (2008). *Pedagogicheskaya deyatel'nost' S. Bikbulatova* [The Pedagogical Activity of S. Bikbulatov]. *Kazanskiy pedagogicheskij zhurnal*, 2008, Issue 9. P. 115–119.

Mahmutova A. Kh. (2011). Vozrozhdenie i razvitie sistemy obrazovaniya tatar-musul'man v Volgo-Ural'skom regione v konce XVIII — nachale XX v. [Revival and Development of Education System of Muslim Tatars in the Volga-Ural Region in the Late XVIII — Early XX Centuries]. *Nauchniy Tatarstan*. No. 1. 2011. P. 173–194.

Mehmet Görmez. *Jarullah Bigiev* [transl. from the Turkish by A. G. Khairutdinov] [Electronic resource]//URL: <https://www.islamrf.org/musabigiev4> (accessed 07.02.2018).

Moskalets O. V. (2017). The Main Stages of Reforming of al-Azhar University (XIX– Beginning of XX Century). *Islam v sovremennom mire*. 2017. No. 3 (13). P. 67–84.

Marjani Sh. (1900). Al'-kyjsme as-sani min kitabi mustafad al'-ahbar fi ahvali Kazan va Bolgar (Chast' vtoraya iz knigi «*Sobranie poleznyh svedenij o delah Kazani i Bulgara*») [The Second Part of the Book Collection of Useful Information About the Affairs of Kazan and Bulgar']. Kazan. 368 p.

Naumkin V. V. (2008). Rossiya i islamskiy mir [Russia and the Islamic World]. *Islam i musul'mane: kul'tura i politika. Stat'i, ocherki i doklady raznyh let*. Moscow–Nizhniy Novgorod: ID "Medina". 768 p.

Nesterov F. F. (1968). Obshchestvennaya mysl' v Egipte v period s konca XIX po tridcatye gody XX v. [The Public Thought in Egypt in the Period From the Late XIX Century to the 1930s]. *Trudy Universiteta druzhby narodov imeni P. Lumumby*. T. XXXII. M., 1968. P. 63–93.

Tuhvatullin H. K. (1962). Kamil' Motygi Tuhvatullin. Zhizn' i deyatel'nost': rukopis' [Kamil Motygi Tuhvatullin. Life and Activity: Manuscript]. *Arhiv Nacional'nogo muzeya RT. Fond K. Motygi, 115*. H. K.. Manuscript.

Fahreddin R. (2006). *Athar* [Traces]. Kazan. Vol. 1. 360 p.

Fahreddin R. (2009). *Athar* [Traces]. Kazan. Vol. 2. 304 p.

Fahretdin R. (1993). *Bez — Shimal' (Bolgar) toreklerendeh gyjlem tehsil itu reveshlere* [Methods of Knowledge Obtaining in our, the Northern Turks (Bulgars) Culture]. Kazan. 287 p.

Khabutdinov A. Y. (2006). *Rossijskie muftii. Ot ekaterininskih orlov do yadernoj ehpoi (1788–1950)* [The Russian Muftis. From Ekaterina's 'Eagles' to the Nuclear Epoch (1788–1950)]. Nizhniy Novgorod 2006. 60 p.

Khabutdinov A. Y. (2001). *Formirovanie natsii i osnovnye napravleniya razvitiya tatarskogo obshchestva v konce XVIII — nachale XX veka* [Formation of the Nation and the Main Directions of Development of Tatar Society in the Late XVIII — Early XX Centuries]. Kazan, 2001. 383 p.

Sharipova M. R. (1974). *Rol' rukovodstva «Al'-Azkhara» v sovremennoj modernizatsii islama* [The Role of the Leadership of al-Azhar University in the Modernization of Islam at the Present Time]. *Religiya i obshchestvennaya mysl' stran Vostoka: sbornik*. Moscow..

Sharipova M. R. (1971). *Sovremennaya istoriografiya OAR o roli universiteta al'-Azkhara v period burzhuaznoj reformatsii islama v Egipte v konce XIX — nachale XX v.* [Modern Historiography of the UAR on the role of the University of al-Azhar During the Bourgeois Reformation of Islam in Egypt in the Late XIX — Early XX Century]. *Religiya i obshchestvennaya mysl' narodov Vostoka: sbornik*. Moscow. P. 241–252.

Shihabutdin Mardzhani. Sbornik statej, posvyashchennyh 100-letiyu Sh. Mardzhani, izdannij v Kazani v 1915 g. (2015) [Shihab al-Din Marjani: Collection of Papers Dedicated to Centenary of Marjani, Published in Kazan in 1915]. Kazan. 494 p.

Aitbaev K. Y. (2005). Ajuhanov Zakir Nasirovich [Ayukhanov Zakir Nasirovich]. *Bashkirskaya entsiklopediya*. Vol.1. Ufa: Nauchnoe izdatel'stvo 'Bashkirskaya entsiklopediya', 2005. P. 265.

Jaikbaev K. J. (2003). *Megrifetse mogellimder, kurenikle ukytyusylar hehm megarif ehshmekerzere: Tarihi-pedagogik ocherktar hehm hurehtlehmelehr* [Famous Scientists, Prominent Teachers and Well-Known Patrons. Historical and Pedagogical Essays. Ufa: Kitap. 254 p. (in Bashkir)

Bayard Dodge (1961). *Al-Azhar. A Millennium of Muslim Learning*. Washington. 239 p.

Lewis B. (1982). *The Muslim Discovery of Europe*. New-York- London. 350 p.

Education of Muslims of Russia: History and Present Time

MUSLIMS FROM RUSSIA (VOLGA-URAL REGION) IN THE AL-AZHAR UNIVERSITY DURING THE NINETEENTH AND THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURIES

Renat V. ISLYAMOV,

postgraduate student, Department
of the History of the Near and Middle
East, Institute of Asian and African
Studies, Lomonosov Moscow State
University
(11/1, Mohovaya Str., Moscow, 125009,
Russian Federation),
vice-rector for research, Moscow Islamic
Institute
(12, Kirov Lane, Moscow, 125009, Russian
Federation).
E-mail: islam.dumrf@gmail.com

Abstract. This article attempts to find out the influence of the leading Muslim University of al-Azhar on the representatives of Islam in Russia, the formation of their way of thinking, as well as to identify its role in the socio-cultural and socio-political processes, in which the Muslim community of Russia was involved in the middle of the XIXth — early XX centuries, associated primarily with the reform of religious education and the emergence of the 'intelligentsia'.

Keywords: Muslims of Russia, Islam, al-Azhar, Muhammad 'Abduh, religious education, reformation.

